

Сергофан Прокудин
Пять писем в прошлое

«Издательские решения»

Прокудин С.

Пять писем в прошлое / С. Прокудин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506367-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга рассказывает историю мимолётной любви в столице гбнущей Советской империи. Горбачёв и Ельцин, Джуна и Кашпировский, кино и телевидение, постельные сцены и размышления о будущем, — всё смешалось в осенней Москве 1989 года... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-506367-0

© Прокудин С.
© Издательские решения

Содержание

Имитация пролога	6
ПИСЬМО ПЕРВОЕ	7
Меж двух времён	8
Реальность бьёт с ноги в лицо	9
Десантирование в Вавилон	12
Провинциал в кишечнике истории	16
ПИСЬМО ВТОРОЕ	22
«Я не увижу о тебе счастливых снов»	23
Елевидение и радиопищание	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пять писем в прошлое

Сергофан Прокудин

© Сергофан Прокудин, 2019

ISBN 978-5-0050-6367-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Имитация пролога

В какой-то момент своего писательства я понял: всякие придуманные сюжеты искусственны и отчасти лицемерны, ведь всё равно человек пишущий кроит их из кусочков реальных событий и чёрточек реальных людей, «из собственной судьбы выдёргивая по нитке». Потому будет честнее описывать свою жизнь, ведь в ней – даже самой скучной и малоинтересной – всегда найдётся событие, на которое откликнется сердце хотя бы одного человека на свете, и, значит, ты уже не зря упорно, как дятел, долбил клавиатуру вечерами.

А ещё я пытаюсь остановить, зафиксировать своё житьё-бытьё, увековечить его в прозрачных словах, как муху в янтаре, чтобы и через сотню лет какой-нибудь неведомый мне лошара прочёл мой текст, и его продрал по шкуре тот же самый мороз страха или восторга, который продирал меня век назад.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Меж двух времён

За давностью времени и длительностью пространства имею право сказать сегодня: из множества женщин своей жизни я могу по пальцам рук пересчитать тех, кого вспоминаю с особенным теплом, и ты – одна из них. Хотя мне тут пришла в голову абсурдная мысль: если период жизни, прожитой мной на данный момент, считать за сутки, то получится, что из них мы были с тобой вместе всего-то пару минут...

Не знаю, кой чёрт толкает меня под руку в моём желании писать тебе, Таня. Я не уверен даже, что хотел бы встретиться с тобой лично, поскольку покойный Дрюн Вознесенский призывал не возвращаться к бывшим возлюбленным: через много лет разочарование от личной встречи может напрочь перекрыть и уничтожить все хорошие воспоминания.

Реальность бьёт с ноги в лицо

Пару лет назад мне передали, что мои бывшие одноклассники, с большинством из которых я не встречался со времён окончания школы, решили устроить вечер встречи и собирают всех, кто может приехать. На приглашение я ответил, не раздумывая: на хуй, на хуй! Не хочу никакого вечера встречи. Не хочу приехать в родной город и обнаружить в снятой на вечер кафешке толпу лысеющих мужиков и опоросевших тёток: в них мало что осталось от ребятшек, с которыми я бегал в школу. Не хочу бухать со старпёрами вечер напролёт, обсасывая замшелые воспоминания из конца семидесятых. Пусть уже в памяти моей навсегда сохранятся смешные пацаны в синих школьных костюмах и юные соечки с растущими грудками. Не хер пытаться снова материализовать в реальности товарищей своей юности, ибо зрелище кадавров, разросшихся в их поношенных телах, способно разве что погрузить тебя в тотальную депрессию.

А ещё был у меня такой печальный опыт. Четверть века назад, во времена работы на Кемеровской студии телевидения, переписывался я с 16-летней девочкой-школьницей. Ничего личного, ничего эротического, – я даже в реальности с ней не встречался ни разу. Просто увидела девочка Оля на экране телезвезду местного розлива и решила написать. Переписка наша длилась несколько месяцев, а потом как-то сама собой сошла на нет, и в дальнейшем о моей бывшей адресатке доходили до меня лишь какие-то случайные обрывочные сведения.

И вдруг несколько лет назад она меня находит! Девочка давно выросла, стала малоизвестной полуэстрадной скрипачкой и живёт в Москве, но свою детскую переписку со мной отчего-то не забыла и решила меня разыскать. Мы обменялись по электронной почте несколькими письмами, а потом у неё приключились небольшое выступление на презентации ино-марки в одном из автосалонов, и скрипачка прилетела в Кемерово живьём. Мы пообщались полчаса за столиком в кафе, потом я побывал на её выступлении, и всего этого мне хватило, чтобы пожалеть о случившемся.

В памяти у меня проживало юное создание с широко распахнутыми глазами, которое я помнил по единственной имеющейся у меня фотографии. В кафе передо мной сидела 37-летняя поношенная тётка, в достаточной степени пустоголовая, переполненная стандартными столичными понтами и заблуждениями, бросившая некогда любимого человека ради того, чтобы уехать в столицу, не имеющая ныне ни семьи и ни детей, живущая одним своим затраченным

творчеством, которое востребовано лишь на корпоративах да мелких праздниках. Мама дорогая! – подумал я – на какую хуйню эта девочка угробила лучшие годы своей жизни! Для чего нужна была эта встреча? Чтобы скрипачка могла почесать свою давнюю ностальгию, а я мысленно грохнул ещё одну мою крохотную иллюзию прошлых лет? Я вдогонку написал Ольге в Москву парочку злобных писем, где честно изложил свои впечатления от встречи, и на этом наше общение скончалось. Думаю, уже навсегда...

Десантирование в Вавилон

В августе 1989 года меня вызвала к себе моя начальница Тамара Яковлевна Маслова, главред редакции художественного вещания, и сообщила, что Кемеровская областная студия телевидения направляет меня в Москву – учиться на двухмесячных курсах при Гостелерадио СССР. Поездка в столицу была тогда для меня настоящим прыжком вверх. Недавний шахтёр, уголовник и поэт, которого совсем недавно пригласили на телевидение из провинциального Ленинска-Кузнецкого, успел за год освоиться в совершенно новой для себя телевизионной среде, сгенерировал какие-то собственные творческие замыслы и заработал – по тогдашним меркам – кучу денег. Однако мне остро требовался приток свежего воздуха в голову, а потому предложение поехать на учёбу я воспринял с радостью. И с облегчением.

Летом того года я расстался с женщиной, которую мучительно любил в течение двух лет. Мы жили в разных городах на расстоянии ста вёрст, переписывались и перезванивались, а один-два раза в месяц непременно мотались друг к другу. Она была медиком, врачом-офтальмологом, и жила с пятилетней дочкой в старой однокомнатной квартирке, доставшейся ей после развода. Я, пожалуй, и рвался-то работать на областной студии телевидения лишь для того, чтобы быть ближе к ней. Но вместе мы прожили всего полгода, после чего я ушёл.

Парадокс, казалось бы. Но лично для меня ничего парадоксального не было. Дело в том, что у нас с ней были дети одинакового возраста, и мой пацан от первого брака был старше её дочери всего на несколько месяцев. Всю жизнь я ощущаю себя Скорпом до мозга костей, а один из очень важных скорпионьих принципов заключается в том, что имеют право на жизнь и поддержку с моей стороны только мои родные люди, мой ближний круг. Всё, что находится за его пределами, может разрушиться или сдохнуть сегодня либо завтра – безразлично. И потому у меня тогда (да и сейчас это было бы точно так же) никак не могло уместиться в голове: какого хера я должен любить и воспитывать девчонку, выскочившую каплей спермы из письки чужого и ненавидимого мной заочно мужика, в то время как мой родной пацанёнок остался жить без отца?

Эта мысль подтачивала меня всё сильнее, раздражение выливалось в бестолковые семейные ссоры, так что в какой-то момент я понял: правильнее будет уйти от своей женщины. Решил и ушёл, хоть ломало меня несколько месяцев, как наркошу. Короче говоря, в Москву я уезжал, оставляя позади сожжённые мосты и съёмную комнатёнку у совершенно чужих людей, которую я делил на двоих с неряшливым, постоянно пердящим стариком.

Имперская столица была страшной в ту осень, как зверюга, чующий опасность: мрачной, грязной и очень беспокойной. Буквально через несколько месяцев после меня в столицу прилетел из Парижа Эдвард Лимонов, который тогда не был ещё полубезумным престарелым политиканом, а мускулистым самцом-писателем подживал в самом сердце французской столицы с дикой кобылицей Наташкой Медведевой (царство небесное покойной дырке!) и писал хорошие книжки. В Москву Лимонов приехал, чтобы выступить на вечерах газеты «Совершенно секретно», только-только созданной Юлианом Семёновым, подписать несколько договоров с редакциями журналов да отыскать следы своей неуправляемой блядищи, бежавшей от него в СССР. Обо всём этом он написал книгу-репортаж, и когда значительно позже я прочёл роман «Иностранец в смутное время», то подивился тому, насколько сходные нутряные ощущения у нас с Лимоновым вызвала в ту осень Москва.

«На Калининском важны были не крупные архитектурные сооружения, но мелкие киоски. Здания советских небоскрёбов, обветшавшие и заметённые пожелтевшими сугробами, выглядели нежилыми. К киоскам же присосались очереди. Из киосков сквозь узкие окошки поступали к жителям абсолютно необходимые им мелочи: пирожки, исходящие паром, стаканчики, яблоки, мандарины, пакеты, содержащие чулки, носки, лифчики. Из киоска „Союзпечать“ в упор глядел плакатный Ленин на плакатного Майкла Джексона в окне киоска „Видео“. Очереди перегораживали тротуар здесь и там. Выгружались из неопрятных старых фургонов ящики и бочки. Подземный переход от ресторана „Прага“ к кинотеатру „Художественный“ был затоплен грязной водой и залит человеческими массами. В переходе не было киосков, но торговали мелочами с ящиков и с рук. Сушёными грибами, нанизанными на нитки, хреном в баночках, кочанами капусты и очевидно дефицитными газетами».

Провинциал в кишечнике истории

Но я влился в огромный город совершенно естественно, безо всякого страха или тревоги. Мне нравилась вся эта бесконечная движуха. Учёба меня интересовала постольку-поскольку: куда больше пищи уму, сердцу и телу давало то, что было вокруг неё: бесконечные прогулки и поездки по Москве, общение с любопытными людьми, прикосновение к истории, которая тогда, казалось, фабриковалась за каждым углом. Всё было для меня жутко интересным, и я хватал эту новую жизнь всеми своими порами, стремясь успеть вобрать в себя как можно больше.

Я записался на занятия в воняющую потом подвальную качалку где-то на Таганке и дважды неделю ездил туда тягать железяки на примитивных тренажёрах. На Рижском рынке, который тогда уже представлял собой круговёрть павильончиков, ларьков и торговых лотков, я любил шататься среди торгашей, напёрсточников, бандюганов, всматриваясь в новую для страны реальность. Там же я купил себе ярко-синие джинсы-варёнки и такую же куртку кооперативного покроя, что сделало меня совершенно неотличимым от столичных аборигенов.

Ранним утром я выходил из общаги Гостелерадио на Октябрьской улице, шёл к остановке, по пути заходил в молочный магазин, покупал плотный картонный тетраэдр со сливками, отгрызал уголок пакета и жадно всасывал в себя вкусную желтоватую влагу. Потом ехал в троллейбусе по Сущёвскому валу – мимо кинотеатра «Гавана» и театра «Сатирикон» – до проспекта Мира, спускался в метро и отправлялся – в зависимости от того, где проходили занятия – на Шаболовку или в Останкино. Либо просто клал хуй на учёбу и ехал туда, где было веселее и происходило что-то, интересное лично для меня.

Одним из осенних вечеров я побывал неподалёку от Лужников на митинге в поддержку гонимого Бориса Ельцина. В сентябре 89-го опальный член ЦК КПСС полетел в Америку, где прославился двумя вещами: обоссал колесо самолёта в аэропорту Балтимора да ещё в дугу пьяный выступил в институте Джеймса Хопкинса. Центральное телевидение СССР злорадно демонстрировало фрагмент ельцинского выступления, в котором лыка не вяжущий партийный диссидент рассказывал америкосам о том, как он дважды облетел вокруг статуи Свободы и стал в два раза свободнее. Мне показалось забавным поехать на митинг, чтобы в свете прожекторов, под пронизывающим ветром послушать толкающих речи известных тогда политиков и журналистов, имён которых память моя не сохранила, а вихри истории – давно уже напрочь сдули с карты моей страны.

В другой раз в проливной дождь я попёрся куда-то на окраину столицы, в небольшую библиотеку, где известный московский сумасшедший, именовавший себя Я Зелёный, проводил сбор подписей в защиту Александра Новикова. За пять лет до этого свердловский музыкант выпустил скандальный альбом «Вези меня, извозчик», получил за него на рога десятку по экономической статье УК и поехал чалиться в лагерь. Собравшиеся в библиотеке полторы калеки выслушали леденящий душу рассказ о коммунистическом режиме, искалечившем жизнь певца, сочувственно попялились на любительские фотки Маши, жены Новикова, и поставили свои автографы под безграмотно составленным воззванием, требующим немедленного освобождения узника совести из ивдельской зоны.

Я полюбил бывать на московском ипподроме, где жуковатые азартные старики лихорадочно тербили программки скачек, а по окончании каждого заезда неслись к кассам получать свои выигрыши, зажав счастливые билетки в потных кулаках. Чего уж там, я и сам играл на бегах по маленькой, без особой удачи, впрочем.

Однажды я покатил на «Мосфильм», где меня взяли в массовку фильма «Паспорт», снимавшегося тогда Георгием Данелией. Студийный автобус, в который набилась пёстрая массовочная публика – старухи культурной внешности, юные шлюшки, испитые мужики неопределённого возраста и такие любопытные дебилы, как я, – покатил в Шереметьево. В гулком здании аэропорта ассистенты раздали нам разнокалиберные чемоданы и велели ходить туда-сюда, изображая отъезжающих пассажиров. Добросовестно мы пробродили по залу ожидания пару часов, после чего массовку загрузили в автобус и отвезли обратно в Москву. Легендарного Данелию увидеть живьём мне так и не довелось, но вот с актрисой Натальей Гундаревой, мелкой женщиной в тёмно-синем плащике-разлетайке, рядом я постоял. Но сколько потом ни вглядывался в кадры, занимающие в «Паспорте» несколько секунд, себя в людском муравейнике разглядеть я так и не смог.

Как-то совершенно случайно я познакомился на улице с юной девчонкой, практически моей ровесницей. Та вышла из гастронома, а из прохуdivшегося в авоське пакета на тротуар белым следом тянулось за ней молоко. Полюбовавшись сзади на стройные ноги девчонки, я догнал её, указал на аварию и спас таким образом скромный девичий ужин, потому что была девушка студенткой, жила в общежитии ГИТИСа, и звали её Юлей Силаевой. Несколько лет назад она приехала из провинции в столицу, училась на последнем курсе института и активно пробивалась локтями в плотной актёрской массе.

Мы встретились пару раз и однажды даже ходили вместе на междугородный переговорный пункт, откуда Юля звонила своим родителям в Куйбышев, но охмурить будущую звезду синемаатографа мне так и не удалось. Её только что взяли в труппу театра имени Маяковского, о чём Юлька говорила взахлёб и всё своё свободное время проводила за кулисами театра. После нескольких сорвавшихся из-за этого свиданий я понял, что занять место театральной сцены в девчоночьей душе не смогу, махнул рукой и забросил бесперспективную затею. Через пару лет Юлька стала достаточно активно сниматься в кино, ненадолго мелькнула яркой звёздочкой в фильмах постперестроечного кооперативного кинематографа и бесследно исчезла с экрана моей памяти.

Но всё это была ещё не ты...

ПИСЬМО ВТОРОЕ

«Я не увижу о тебе счастливых снов»

Ты появилась в моей жизни как-то исподволь, но вошла в неё так прочно, что фактически осталась в памяти одним-единственным реальным человеком из того времени. Хотя признаюсь честно: среди множества людей, окружавших меня осенью 1989 года, я не сразу разглядел тебя.

Елевидение и радиопищание

Где-то в дальнем углу моих архивов – среди отживших своё документов и сраных почётных грамот – заваялось свидетельство Института повышения квалификации при Гостелерадио СССР, в котором указано, что я окончил соответствующие курсы и получил специальность ведущего телевизионных программ. Не сказать, что эти корочки принесли мне счастье и богатство: после возвращения из Москвы я отработал на Кемеровской студии телевидения ещё два года – до осени 1991-го – и ушёл оттуда, чтобы уже никогда больше не вернуться.

Я уже упоминал о том, что наше обучение шло в телецентрах на Шаболовке и в Останкино. Куда больше мне нравилось старое, довоенной ещё постройки здание на Шаболовке, за которым возвышалась Шуховская башня, изящная и эротичная, как женская нога в ажурном чулке. Большинство наших учебных классов располагалось именно там, в лабиринте уютных коридорчиков и закоулков, технических помещений и павильонов, в которых производились детские и научно-популярные телепрограммы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.